

Наталья Харитонов

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВОЕ МЕСТО НА ДУГЕ КРИЗИСОВ

Оценивая итоги 2014 г., внимательный наблюдатель без труда заметит признаки дестабилизации периметра Евразии, которая стала следствием как объективных процессов, характерных для данного региона, так и искусственного давления на узловые точки, конфликтогенные по своей природе. События *арабской весны*, сменившиеся острейшим кризисом на Украине, сопровождаются нарастанием напряженности в Центральноазиатском регионе¹. Процессы в этой части мира имеют принципиальное значение, учитывая ее стратегическое географическое положение, значительные запасы углеводородных ресурсов, а также присутствие террористических группировок. Вопрос лишь в том, какое именно из базовых противоречий ойкумены тюркских и соседствующих с ними народов может стать катализатором кризиса: вода, межэтнические противоречия, неблагоприятная социальная ситуация, отношение светских властей к исламу.

А
Н
А
Л
И
З

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ВЕСНА КАК БЛИЗКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ряд специалистов прямо указывают на возможность широкого распространения процессов, аналогичных *арабской весне* в Центральной Азии (*центральноазиатская весна*) «с участием тех же внешних игроков — Катара, Саудовской Аравии и Турции при потенциальной поддержке западного сообщества и в первую очередь США, заинтересованных в укреплении своих позиций в противовес России и Китаю»². В Центральной Азии есть все предпосылки к таким событиям, какие имелись в странах Большого Ближнего Востока, охваченных волнениями. И есть все основания полагать, что главный и универсальный лозунг арабских *революционеров* — призыв к торжеству *исламской справедливости*, которая должна прийти на смену *продажным прозападным светским режимам*, может найти широкий отклик в многочисленных неблагоприятных районах пяти центральноазиатских республик.

Особенно тревожная обстановка наблюдается у ближайшего соседа Афганистана — Республики Узбекистан. Одна из главных причин шараханья во внешней политике, наиболее заметно проявившиеся летом 2012 г., когда Узбекистан приостановил свое членство в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)³, аргументировав это тем, что организация в целом и одна из ее участниц — Республика Таджикистан в частности — не в состоянии обеспечить безопасность Узбекистана от растущих угроз регионального масштаба. Руководство Узбекистана сделало ставку на сотрудничество с США. Специалисты по региону уже тогда предупредили, что сотрудничество это носит конъюнктурный характер и проблемы Узбекистана не решит, а скорее наоборот, усложнит и без того непро-

стью ситуацию в регионе. Далее последовали консультации и договоренности между Вашингтоном и Ташкентом относительно возможности перебазировать в Узбекистан часть вооружений ISAF, которую нецелесообразно транспортировать в страны НАТО⁴, а также давление на руководство Таджикистана с использованием *узбекского фактора* со стороны США в попытках сделать Душанбе лояльным Вашингтону, переговоры с правительствами Узбекистана и Таджикистана о размещении на их территориях военных баз и т. д. Все это происходило на фоне угроз со стороны лидеров движения *Талибан* тем национальным правительствам в Центральной Азии, которые поддерживают политику Запада в регионе.

В итоге, в 2013 и 2014 гг. произошли охлаждение отношений между США и Узбекистаном, когда руководство республики убедилось в истинных намерениях американского руководства, и, как следствие, корректировка уже имевшихся договоренностей между США и Республики Узбекистан.

В 2013–2014 гг. в диалоге с Узбекистаном США делали упор на необходимость повторного размещения американской военной базы в США на военном аэродроме Ханабад близ г. Карши Кашкадарьинской области (ранее, в 2001–2005 гг. аэродром использовался Министерством обороны США для авиационной поддержки операции в Афганистане; в 2006–2012 г. — после возвращения Узбекистана в ОДКБ — в 2006 г. аэродром использовался российскими войсками для оперативного наращивания и развертывания вооруженных сил в Центральной Азии; с 2012 г. базу используют вооруженные силы Республики Узбекистан). В этом же ряду имели место предложения США разместить американский военный контингент на занимаемой бундесвером ФРГ базе в Термезе и использования военных аэродромов Тузель близ Ташкента и Каган-Южный близ Бухары⁵. Предполагалось, что достигнутые договоренности будут закреплены в ходе визита президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в Вашингтон. Однако 5 августа 2014 г. МИД Узбекистана, сославшись на *Концепцию внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан* (сентябрь 2012 г.), заявил, что республика не допускает размещения на своей территории иностранных военных баз и объектов. Визит Ислама Каримова в Вашингтон не состоялся. Таким образом, Ташкент явно дал понять, что не желает превращать Узбекистан в линию противостояния России и НАТО в регионе, что в условиях текущей *санкционной войны* чревато крайне негативными последствиями для самого Ташкента.

США же рассчитывали, что предоставляя значительную материальную помощь Ташкенту, они закрепятся в Узбекистане, сделав его опорной точкой для контроля над ситуацией во всей Центральной Азии. Естественно, этому противятся Россия и, в не меньшей степени, Китай. Очевидно, что США так просто не оставят свои попытки закрепиться в регионе, расширив свое присутствие здесь. Учитывая закрытие Центра транзитных перевозок ВВС США на территории международного аэропорта *Манас* в Киргизии этим летом (в 2001–2009 гг. — авиабаза антитеррористической коалиции), у США есть насущная необходимость присутствовать хотя бы в Узбекистане и Таджикистане. О серьезности намерений США в регионе свидетельствует давление на Узбекистан с помощью других инструментов внешней политики Вашингтона. Спустя буквально несколько дней после вышеобозначенного заявления МИД Узбекистана, Всемирный банк обнародовал предварительные результаты экспертизы по строительству Рогунской ГЭС в Таджикистане⁶. Ташкент разразился грозным официальным заявлением⁷. Несмотря на реакцию Ташкента, положительные результаты экспертизы были опубликованы уже 1 сентября 2014 г.⁸ Проекты гидроэлектростанций в Таджикистане и Киргизии не учитывают интересы трансграничных государств и в наибольшей степени от их работы пострадает именно Узбекистан, где вопрос воды и без того стоит очень остро. Примечательно, что очень долгое время никто из ведущих геополитических игроков в регионе не решался поднять вопрос о воде, осознавая, какие разрушительные силы могут быть задействованы в таком случае и какие последствия для

региона может иметь конфликт из-за водных ресурсов. Вода в Центральной Азии — это, пожалуй, самый угрожающий фактор на сегодняшний день. Первой этот вопрос затронула Россия в сентябре 2012 г., опять же в пик вышедшему из ОДКБ Узбекистану, поддержав проекты Камбаратинской ГЭС-1 и Верхнее-Нарынского каскада ГЭС в Киргизии⁹. И вот, непоследовательная политика Ташкента опять спровоцировала актуализацию тематики воды. Если проект Рогунской ГЭС, на который всегда делало ставку правительство Таджикистана, видя в нем единственный способ выйти из экономического кризиса, сдвинется, дестабилизации в регионе не миновать. Факторами нестабильности являются и состояние здоровья узбекского лидера Ислама Каримова, а также конфликты в президентской семье, отражающиеся на дееспособности власти и, конечно, отношениях с соседними по региону государствами и Россией.

Эксперты из Ташкента в частных беседах и в своих сообщениях на многочисленных экспертных площадках часто указывают на преувеличение *афганской угрозы* после ухода оттуда сил коалиции. В качестве аргументов чаще всего озвучивается следующее: американцы не уйдут из Афганистана навсегда и в полном составе; функционирующие американские военные базы в северных районах Афганистана и возможное возвращение американских баз и центров транзитных перевозок в республике Центральной Азии создадут своеобразный *пояс безопасности*; Кабул не падет под ударами талибов, так как местные элиты сумеют договориться ради сохранения стабильности; афганско-узбекистанская граница имеет малую протяженность (всего 149 км) и хорошо укреплена; разрозненные группировки, которые сегодня составляют *Талибан*, в частности Исламское движение Узбекистана (ИДУ), больше не ставят своей целью свержение светской власти в Узбекистане, они в большей степени ориентированы на создание *мифического* Исламского халифата. Остается только догадываться, с какой целью озвучивается такой позитивный сценарий развития ситуации в регионе.

Нестабильной продолжает оставаться ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Следом за серией терактов в мае и апреле 2014 г. в Урумчи, 28 июня 2014 г. масштабный теракт произошел в городе Элишкун, что на границе с Таджикистаном¹⁰. Таким образом Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), действующее в регионе с начала 2000-х гг., сегодня оказывает серьезное влияние на ситуацию в Китае и постсоветской Центральной Азии. В отличие от *коллег* по региону, ИДВТ применяет не самодельные взрывные устройства (СВУ), а холодное оружие, что говорит об их крайнем ожесточении, а также учете реалий — холодное оружие сложнее отслеживать и предупреждать его использование. ИДВТ, в основном базируясь в Афганистане, тесно взаимодействует с местными, центральноазиатскими экстремистскими организациями типа

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮРИЙ ФЕДОРОВ:

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Достичь такой договоренности в Узбекистане будет намного труднее, чем в Туркменистане в 2006 г., по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в процесс согласования неизбежно должно быть вовлечено заметно больше фигур, клик, групп влияния и кланов, чем в Туркмении. Во-вторых, в Ташкенте не могут не помнить, что Бердымухамедов в течении одного-полутора лет уволил в отставку всех, кто привел его к власти на рубеже 2006–2007 гг. А это еще более затруднит процесс поиска и согласования приемлемых для всех кандидатур преемника Каримова. Иными словами, политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен.

Узбекистан: нестабильный фактор стабильности. *Индекс Безопасности*, № 3–4 (102–103). Осень-Зима 2012.

Хизб-ут-Тахрир, ИДУ, Жайшул Магди и т. д. и действует на территории Киргизии и Таджикистана.

В Центральноазиатском регионе имеется значимое количество угрозоемких факторов, определяющих формат отношений между пятью постсоветскими центральноазиатскими республиками.

Наряду с проблемой воды, между центральноазиатскими государствами наличествуют территориальные споры, включая проблему делимитации участков кыргызстанско-узбекистанской и кыргызстанско-таджикистанской границ. Существенная часть границы между Таджикистаном и Узбекистаном со времен гражданской войны в Таджикистане *определена* путем минирования. Серьезная проблема этнических анклавов — кыргызстанских на территории Узбекистана, таджикистанских и узбекистанских на территории Киргизии. Среди других острых проблем: террористическая активность, исламизация и наркотизация региона, которым в наибольшей степени подвержена Ферганская долина; наконец, бедность населения государств региона, в значительной степени граничащая с массовой нищетой. Любое из этих противоречий даже при незначительной стимуляции извне может стать *спусковым крючком* для дестабилизации всего региона.

РАЗРАСТАЮЩАЯСЯ УГРОЗА ИСЛАМИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Любая из указанных выше угроз получает новое содержание в контексте проникновения радикальной исламистской идеологии в регионе. Так, участники межэтнических конфликтов, конфликтов из-за воды, земли и других ресурсов в Ферганской долине пока ни разу в новейшей истории не опирались на радикальные религиозные группировки¹¹. Многие годы социально-экономические проблемы и межэтническая напряженность служат лишь условиями и питательной средой для мобилизационной работы исламистских группировок — партии *Хизб-ут-Тахрир*, движения *Таблиги Джамаат, ИДУ, ИДВТ* и целого ряда других организаций и движений салафитского толка. Однако, как отмечает эксперт А.А. Князев, в последние годы в Центральной Азии отмечается крайне тревожное явление, связанное с тем, что, несмотря на интернациональность ислама и неприятие им этнической идентичности, в регионе экстремистские группировки боевиков, апеллирующих к исламу, формируются по этническому/страновому принципу: уйгурские, киргизские, туркменские, казахские боевые отряды¹². Ситуация с уйгурами усложняется еще и тем, что наряду с этническим и религиозным фактором важной составляющей экстремистской идеологии местных групп является сепаратизм. Таким образом, можно предположить, что в ближайшем будущем в локальных конфликтах в регионе будут задействованы и эти силы. Речь идет о фактическом расширении *специализации* исламистских боевых группировок — теперь, кроме объявленной войны светским режимам, будет наблюдаться углубление локальных межэтнических конфликтов за счет привлечения исламистской идеологии и соответствующих ресурсов. Последствия такой трансформации для Центральноазиатского региона сложно предсказать.

В целом проблема исламизации Центральной Азии сегодня приняла угрожающие масштабы. Пять постсоветских центральноазиатских республик практически не контролируют поток своих граждан, выезжающих на обучение в медресе Афганистана, Пакистана, Турции, а также другие механизмы навязывания чуждой идеологии, основывающейся на радикальном толковании ислама. Это привело к тому, что выросло целое поколение людей, настроенных против собственного государства, и исламизм проникает и поражает, как болезнь, несущие конструкции государства: армию, госаппарат, систему образования и т. д. Иллюстрацией может служить то, что выходцы из Центральной Азии, получившие специфическое образование и параллельно прошедшие специальную подготовку, будучи завербованными турецкими эмиссарами, активно воюют в Сирии, Ливии, Египте.

С большой долей вероятности можно утверждать, что, после того как их услуги не будут востребованы, этот специфический *контингент* будет переброшен обратно в Центральную Азию и составит костяк оппозиции светским режимам в своих государствах. Неоднократно в СМИ фигурировали данные о количестве боевиков — выходцев из постсоветской Центральной Азии, действующих в Сирии, Египте, Ираке¹³. И конечно, нельзя забывать об их *боевых товарищах* из соседних государств. Уйгурские боевики из группировки ИДВТ, воюющие сейчас в Сирии против Башара Асада, возвращаются в Китай, не исключено, что оттуда они проникнут на территорию Центральной Азии.

В ходе разрастающегося кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке угрозы со стороны радикалов в адрес светских правительств центральноазиатских государств звучали неоднократно¹⁴. Ситуацию усугубляет выход сил ISAF и НАТО из Афганистана. В чьих руках окажется оружие? Наихудший сценарий — это тот, что мы наблюдаем сегодня в Ираке: иракские военные, отступая под натиском Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), бросают современные американское оружие и технику, которое закономерно переходит под контроль исламистов.

В вопросе об угрозе исламизации Центральной Азии, ключевым моментом является то, куда будет направлена активность талибов и других этнических исламистских группировок, базирующихся в Афганистане и Вазиристане после ухода сил коалиции и НАТО из Афганистана? Есть основания полагать, что исламистский интернационал и особенно группировки, организованные по этническому принципу, двинутся в СУАР и государства постсоветской Центральной Азии, а далее, с вхождением Таджикистана и Киргизии в Таможенный союз, через *прозрачную* границу — в Россию. И это должно быть предметом особого внимания со стороны российских специальных служб. Прецеденты такого рода уже есть — в случае с исламистами, действующими на территории Казахстана, где базами исламистского экстремизма являются Чимкентская и Джамбульская области на юге, ряд областей на западе. Соответственно, расползание боевого *исламистского интернационала* в лице ИГИЛ, действующего в Ираке и Сирии американским оружием, высокий процент вероятности плотного взаимодействия с афганскими и пакистанскими талибами и рядом других весьма интернационализированных, но выступающих под флагом исламизма группировок и движений — чрезвычайно серьезная угроза регионального и глобального масштаба.

Анализ ситуации в регионе позволяет говорить о новом качестве движения *Талибан*. Сегодня существует несколько *крыльев* движения, зачастую финансируемых из разных источников, которые в случае необходимости координируют свои действия. Оценивая угрозы для Центральной Азии со стороны исламистов, необходимо учитывать это новое качество, особенно в той части, которая касается взаимодействия движения *Талибан* с *этническими* исламистскими группировками, сформированными выходцами из центральноазиатских республик и выступающими под салафитскими лозунгами. При этом эксперты полагают, что афганские и тем более пакистанские талибы продвигаться в пределы Центральной Азии не будут, так как «этот регион находится вне сферы их непосредственных интересов»¹⁵, но будут играть роль глубокого тыла для центральноазиатских исламистов.

Так, весьма тревожна ситуация в Туркменистане, что уже сейчас иллюстрирует возможный вариант развития событий во всей Центральной Азии. Режим Сапармурата Ниязова (Туркменбаши), просуществовавший до декабря 2006 г., поддерживал добрые отношения с движением *Талибан*, подкрепленные поставками горюче-смазочных материалов исламистам, что позволяло ему чувствовать себя в относительной безопасности от угроз не только со стороны самих талибов, но и со стороны соседних центральноазиатских государств, в отношении с которыми активно использовался *талибский фактор*. Надежды нынешнего главы Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедова на прежние ниязовские догово-

ренности себя не оправдали — в начале 2014 г. *новые талибы* своими действиями на афганско-туркменистанской границе дали понять Ашхабаду, что времена доброго соседства закончились в тот момент, когда Ашхабад предоставил США свое воздушное пространство и аэропорт в Ашхабаде для дозаправки самолетов, перевозящих гуманитарные грузы в Афганистан. Соответствующее соглашение между Туркменистаном и США было подписано в 2002 г. (в этом смысле определенные опасения должны испытывать Казахстан, ратифицировавший в 2008 г. два меморандума между США и РК о поддержке операции *Несокрушимая свобода* в Афганистане, и Таджикистан, также предоставивший свои аэродромы). Туркменистанский участок афганской границы наряду с таджикистанским рассматривался и рассматривается экспертами как наиболее уязвимый с точки зрения возможности инфильтрации исламистов. Информация о действующих в составе ИДУ отрядах туркмен и негативное отношение афганских туркмен к официальному Ашхабаду не тревожили руководство республики до тех пор, пока в начале 2014 г. не начались упомянутые столкновения в афганско-туркменистанской пограничье. Причина активности исламистов кроется еще и в том, что президент Гурбангулы Бердымухаммедов существенно отошел от прежней ниязовской модели взаимоотношений с исламистами и по вопросу наркотрафика — при Ниязове транзит героина через Туркменистан составлял весьма высокий процент от общего объема трафика, проходящего по так называемому *северному маршруту*, нынешний же президент предпринимает меры по ограничению трафика. Учитывая важность наркотрафика для талибов как значимого источника финансирования движения в условиях войны, такая реакция *Талибан* была вполне предсказуема.

Что касается наркотрафика и наркопотребления, то для государств Центральной Азии наряду со сложной социально-экономической ситуацией эта проблема имеет огромное значение, так как именно денежные средства, полученные от продажи афганского героина, идут на финансирование исламистских движений и террористических группировок на территории региона. Кроме того, наркотизация в регионе идет рука об руку с вербовкой новых членов в ряды исламистских организаций, особенно четко это прослеживается в Ферганской долине. Большое значение имеет проблема коррупции в государственных органах в целом и в правоохранительных органах в частности. Исходя из весьма специфической ситуации, связанной с тем, что *северный маршрут* наркотрафика проходит через центральноазиатские государства, специалисты все чаще говорят о наркокоррупции.

В силу сложившихся социально-экономических обстоятельств в странах Центральной Азии для молодежи служба в армии стала самым востребованным способом повысить свой социальный статус через последующее устройство на работу в государственные органы, поэтому молодежь активно стремится в армию (в отдельных регионах неоднократно фиксировалась дача взяток за зачисление на срочную службу). И все большее распространение получает проникновение членов исламистских группировок в числе срочников в армию, где они ведут пропагандистскую работу. Армия и военные структуры в целом являются одной из мишеней для исламистских радикалов прежде всего с точки зрения обширной вербовочной базы. Таким образом, радикальный ислам напрямую поражает сердцевину государственного аппарата, распространяясь в среде госслужащих, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В качестве иллюстрации можно привести выходку государственного деятеля Кыргызской Республики Турсунбая Бакир уулу, публично разорвавшего флаг Израиля и призывавшего к нетерпимости к этому государству¹⁶. Еще большую тревогу вызывает деятельность исламистских *миссионеров* в местах отбывания наказаний¹⁷ — в данных учреждениях по определению имеется подходящий для вербовки контингент, крайне не довольный светскими властями.

Немаловажно, что международные и региональные исламистские организации последовательно используют территории государств Центральной Азии для

ведения пропагандистской и подрывной работы на территории третьих государств, в том числе в России. На территории Таджикистана и Киргизии имеются перевалочные базы боевиков и схроны оружия, которое может быть переброшено практически в любую точку региона и использовано на территории третьих государств. И, естественно, регион используется в качестве вербовочной базы, в том числе для вербовки террористов-смертников¹⁸. Учитывая крайне низкий уровень жизни населения, катастрофический уровень коррупции и слабый контроль центра над периферийными районами республик, что особенно четко прослеживается в Ферганской долине, данные тенденции имеют большой потенциал к разрастанию. Это тем более опасно, учитывая стратегию исламистов — создание театра боевых действий там, где имеются все предпосылки (соответствующие настроения среди населения, действующее исламистское подполье, ресурсная база и т. д.), а спустя некоторое время — прорыв на территорию другого государства. По такому сценарию проходили в регионе так называемые Баткенские события в 1999–2000 гг.¹⁹, сегодня эксперты предупреждают о возможности такой ситуации в Туркменистане с последующим прорывом исламистов в Казахстан²⁰, а также прорыв в Ферганскую долину через Киргизию.

Как правило, исламисты не являются самостоятельной силой, они управляются извне заинтересованными акторами²¹. Фактор использования исламистских террористических организаций с целью давления на власти центральноазиатских государств становится все более значимым с каждым годом. Его роль будет увеличиваться по мере втягивания государств Центральной Азии в новый формат отношений с глобальными геополитическими игроками в период вывода сил ISAF и НАТО из Афганистана, так как региональные и транснациональные радикальные исламистские организации склонны рассматривать местные власти как сателлитов Запада. Если Узбекистан и дальше будет упорствовать в нежелании размещать у себя американские военные базы, результатом станет активизация подконтрольной американцам части исламистского подполья²² или инфильтрация исламистских группировок извне, что ранее уже имело место. Та же ситуация может иметь место и в отношении Таджикистана. Аналогичным образом ситуация может развиваться и на тех территориях Российской Федерации, которые вплотную примыкают к Казахстану, и там, где традиционно силен ислам: Северный Кавказ, Поволжье, районы Западной Сибири и т. д., а также в российских мегаполисах, где сконцентрирована инфраструктура власти и проживает наибольшее количество трудовых мигрантов-выходцев из Центральной Азии и Кавказа, не довольных своим экономическим положением и социально-правовым статусом.

На фоне растущей угрозы со стороны контролируемых извне исламистских радикалов и осложнившихся отношений между Россией и США, на первый план выходит проблематика поддержки Москвой американской активности в Афганистане. Так, среди населения в Узбекистане и Киргизии активно распространяются слухи о том, что Россия, действуя в формате *санкционной войны* с США, может заблокировать процесс вывода континентов НАТО и ISAF и их военного имущества через свою территорию и закрыть воздушное пространство. Предполагается, что Китай, в свою очередь, также создаст максимум неудобств при транзите через Пакистан (известно, что роль ключевого союзника Пакистана последние годы играют не США, а Китай). Все это может поставить страны антитеррористической коалиции в достаточно сложное положение. Россия уже сейчас работает с Пакистаном на тему содействия обеспечения безопасности энергетической инфраструктуры в транзитных зонах региона, например, в Северном Афганистане (Москва заинтересована в присоединении к лоббируемому американцами проекту ТАПИ²³, хотя у России есть альтернативные проекты в регионе, например газопроводы в южном направлении из Ирана). В копилку пакистано-российского сотрудничества пойдет и то, что Россия может предложить информацию по пакистанским талибам,

получаемым в ходе разработок исламистов, поставки военной техники. Все это — повод для тесного сотрудничества с Пакистаном, который все больше выходит из-под американской опеки.

ДУГА КРИЗИСОВ В ДВИЖЕНИИ

Афганистан и постсоветские центральноазиатские государства на сегодняшний день являются *болевым точкой* не только России, но и США. Соответственно, Россия может использовать такую ситуацию в своих интересах. Так, в рамках *санкционной войны* Россия может закрыть транзит в Афганистан для коалиции, что будет означать уход США оттуда, потерю влияния в огромном регионе, инициативы, а главное, возможности отслеживать ситуацию на Ближнем Востоке, что повлечет за собой утрату гегемонии в энергополитике и процессе обеспечения глобальной безопасности. Часть экспертов считает, что это выгодно России, так как таким образом силами американцев идет борьба с исламистами²⁴. Другие эксперты, впрочем, полагают, что сам факт присутствия американцев на территории центральноазиатских государств или инфраструктурная поддержка ISAF автоматически настраивает исламистов против их светских властей²⁵, что многократно множит аналогичные риски для России.

Для России геополитические тенденции последних лет, превращающиеся в новые закономерности, привели к тому, что *дуга кризисов* фактически примыкает вплотную к ее границам, *замкнув* западную оконечность дуги. Это заставляет руководство страны планировать свои действия на случай крайне неблагоприятного развития событий. Превентивным шагом стало закрепление гарантированного люфта на восточной оконечности дуги — через договоренности с Китаем. Последовала серия мероприятий, направленная на ревизию подходов к обеспечению безопасности на южных рубежах страны. Об этом свидетельствует и серия проведенных масштабных учений в рамках военно-политических блоков с участием России. Так, в конце июля — начале августа 2014 г. в Киргизии страны — участницы ОДКБ провели маневры (это третьи совместные учения ОДКБ *Нерушимое братство-2014*, действует Соглашение о миротворческой деятельности организации) — коллективные миротворческие силы отрабатывали операции по поддержанию мира и стабильности в регионе²⁶. Объединенные войсковые подразделения решали задачу по демонстрации готовности коллективно противостоять возможным угрозам, связанным с выводом контингентов НАТО и ISAF из Афганистана, и провокациями межэтнических и приграничных конфликтов в государствах Центральной Азии. Для доставки и оперативной поддержки двусторонних группировок, коллективных сил оперативного реагирования, коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона и миротворческих сил признано целесообразным создать коллективные авиационные силы ОДКБ в виде объединенной группировки и сил специальных операций²⁷.

Активизировалась и ШОС: вопрос о возможных действиях на случай осложнения ситуации в регионе в результате вывода сил коалиции из Афганистана стоял на последнем заседании ШОС, обсуждалась тактика действий членов ШОС в складывающейся обстановке. Еще в январе 2014 г. страны — участницы ОДКБ и ШОС приступили к выработке единого подхода в борьбе с терроризмом в зоне совместной ответственности. На сентябрьском саммите министров иностранных дел ШОС большое внимание было уделено ситуации на Украине и в Афганистане. Накануне саммита впервые за последние годы акцентировалось внимание на вопросе, связанном с механизмом приема в членство ШОС. И уже на сентябрьском саммите в Душанбе заявления на прием в члены организации подали Индия и Пакистан. Там же Россия передала на рассмотрение странам — участницам ШОС проект *Стратегии развития ШОС до 2025 г.*²⁸, проект рамочного соглашения о сотрудничестве по пограничным вопросам и предложила преобразовать расположенную

в Ташкенте Региональную антитеррористическую структуру (РАТС) в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, начав с наделения ее антинаркотическими функциями²⁹.

В России на национальном уровне проводимые сборы военнослужащих запаса не привязываются к обстановке на дуге кризисов, хотя, понятно, что в таком масштабе они проводятся в свете угроз национальной безопасности России. Риски очевидны — вовлечение России в войну как участницы ОДКБ — в случае вооруженных действий Армении с Азербайджаном или Таджикистана с Узбекистаном

Россия будет вынуждена вмешаться, выступив на стороне Еревана или Душанбе. В этом смысле определенные *риски* для России может нести и членство в ШОС.

Оценивая общий информационный фон, особенно западный сектор информационного пространства, может показаться, что ситуация в Центральной Азии на фоне кризиса на Украине отошла на задний план. Это не более чем сознательно формируемое общественное мнение о том, что Центральная Азия — это периферия мировых событий³⁰. Для РФ Центральная Азия является источником серьезнейших угроз и вызовов, учитывая геостратегическое положение Центральной Азии в *мягком подбрюшье* России и процессы, протекающие там. Осторожность руководства РФ в стремлении противостоять попыткам спровоцировать его на вмешательство в ситуацию на Украине объясняется именно этим. Режиссеры *управляемого хаоса* стремятся *раздергать* Россию, заставить вмешиваться или как минимум плотно отслеживать ситуации по периметру своих границ. К примеру, угрозы Кишинева и Киева по поводу вторжения в Приднестровье *для ликвидации российской базы боевиков* как раз укладываются в эту незамысловатую схему.

Проект ПИР-Центра
«Безопасность Центральной
Азии и Россия»

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

centralasia.pircenter.org

А
Н
А
Л
И
З

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давление НАТО с Запада будет идти параллельно с давлением управляемого исламистского интернационала с Востока и Юга, сопровождающимся прямыми заходами вглубь российской территории. С точки зрения угроз и рисков — второе опаснее, так как в своем большинстве в Центральной Азии и примыкающих регионах действуют несистемные силы — негосударственные акторы, к которым неприменимы традиционные средства политического или экономического давления. Они будут действовать асимметрично. Фронт не будет иметь четких очертаний, не будет фронтального соприкосновения, как это предполагается в случае противостояния с блоком НАТО.

Результаты такой агрессии очень сложно предсказать, так как пока еще ни одному государству в мире не удалось полностью ликвидировать врага, организованного по сетевому принципу и действующего асимметрично. Очевидно, что устранить такую системную угрозу можно, лишь договорившись при мощной поддержке Китая с акторами, управляющими этими процессами, прежде всего США, Саудовской Аравией и Катаром. Пока же можно лишь констатировать, что никакая угроза не сможет отменить очевидной вещи — важность для России постсоветской Центральной Азии как зоны геостратегических интересов, жестко завязанной на проблему национальной безопасности. 🐘

Примечания

¹ За границы Центральной Азии в данной статье берется определение, поддерживаемое властями государств, составлявших в советское время два экономических района Средняя Азия и Казахстан, т. е. Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. В 1992 г. президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на саммите государств Средней Азии предложил отказаться от определения *Средняя Азия* и *Казахстан* в пользу понятия *Центральная Азия*, охватывающего все постсоветские государства этого региона. ЮНЕСКО придерживается иного определения понятия *Центральная Азия* — согласно определению ЮНЕСКО, регион включает Монголию, Западный Китай (Синьцзян, Тибет, Внутренняя Монголия, Цинхай, Западный Сычуань и Северный Ганьсу), Пенджаб, Кашмир, Северную Индию и Северный Пакистан, Северо-Восточный Иран, Афганистан, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Американские и западноевропейские специалисты для обозначения региона используют понятие *Большой Центральной Азии* — согласно определению данного понятия, в регион Большой Центральной Азии наряду с пятью постсоветскими республиками входят западная часть Китая (Синьцзян), Монголия, северные районы Ирана и Афганистана и Кавказ.

² Цит. по: Сатановский Евгений. Дестабилизация Центральной Азии. *Взгляд*. 2014, 18 февраля.

³ Именно Узбекистан в 1992 г. инициировал заключение Договора о коллективной безопасности из-за страха перед исламистским экстремизмом и событиями в соседнем Таджикистане, где шла гражданская война (1992–1997 гг.) между правительственными силами и Объединенной таджикской оппозицией, костяк которой составляли сторонники исламского государства.

⁴ Средняя Азия возьмет оружие во вторые руки. *Коммерсантъ*. 2012, 15 июня; Новое оружие США, <http://politikonline.ru/novoe-oruzhie-ssha/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); США продолжают вооружать Узбекистан, <http://www.news-usa.ru/ssha-prodolzhat-vooruzhat-uzbekistan.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁵ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть I. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 8 августа, <http://www.caspiana.org/2014/08/08/fronty-naduge-bzhezinskogo-chast-i/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁶ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС/Предварительный вариант документа Всемирного банка для обсуждения, http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Event/ECA/central-asia/WB%20Rogun%20Key%20Issues_rus.pdf (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁷ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС и вопросы использования трансграничных водных ресурсов/Выступление первого заместителя премьер-министра, министра финансов Республики Узбекистан Р. Азимова на встрече представителей правительств стран Центральной Азии по обсуждению проекта доклада Всемирного банка «Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС» и вопросов использования трансграничных водных ресурсов. 18 июня 2014 г., <http://gov.uz/ru/press/politics/25860> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁸ Ключевые вопросы для дальнейшего рассмотрения предлагаемого проекта Рогунской ГЭС. Всемирный банк. 1 сентября 2014 г., http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/central-asia/World%20Bank%20Note%20-%20Key%20Issues%20for%20Consideration%20on%20Proposed%20Rogun%20Hydropower%20Project_rus.pdf (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

⁹ РФ и Киргизия совместно построят Камбаратинскую ГЭС. *Российская газета*. 2012, 20 сентября.

¹⁰ В Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая произошел теракт. *China24news*. 2014, 30 июля, <http://china24news.com/politics/1392-v-sintszyan-ujgurskom-avtonomnom-rajone-kitaya-proizoshel-terakt> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹¹ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть III. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 3 сентября, <http://www.caspiana.org/2014/09/03/fronty-na-duge-bzhezinskogo-chast-iii/>(последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹² Там же.

¹³ Боевики из Центральной Азии в войне в Сирии и Ираке. *Stan Radar*. 2014, 13 июля, <http://www.stanradar.com/news/full/11064-boeviki-iz-tsentralnoj-azii-v-vojne-v-sirii-i-irake.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); Дооров Торокул, Бактыбаев Заирбек. Почему выходцы из Центральной Азии воюют в Сирии? Радио Азаттык. 2014, 10 октября http://rus.azattyk.org/content/kyrgyzstan_sirya_central_asia_juhad/25150081.html (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); Михайлов Виктор. «Хиз-бут Тахрир» и «Таблиги Джамоат» — «прихожая терроризма» для Средней Азии и Казахстана. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 24 июля, <http://www.caspiana.org/2014/07/24/viktor-mixajlov-xiz-but-taxrir-i-tabligi-dzhamoat-prihozahaya-terrorizma-dlya-srednej-azii-i-kazaxstana/>(последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁴ См. Исламисты грозят Казахстану насилием за жесткий закон о религии. *Reuters*, 2011, 26 октября, <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRURXE79P0QH20111026> (дата обращения: 10 февраля 2015 г.); Центральную Азию ожидает волна насилия. Информационно-аналитический портал *Республика*. 2013, 31 января, <http://www.respublika-kz.info/news/politics/28304/>(последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁵ Цит. по: Сатановский Евгений. Дестабилизация Центральной Азии. *Взгляд*. 2014, 18 февраля.

¹⁶ Депутат Парламента Кыргызстана Бакир уулу публично разорвал флаг Израиля и предложил использовать обрывки в туалете. *ЦентрАзия*, 2014, 4 августа, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1407182040> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁷ См.: Тюрьма для экстремистов. Информационно-аналитический портал *Мир ислама*. 2013, 25 ноября, <http://www.mirislama.com/8250-tyurma-dlya-ekstremistov.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.); ICG: Центральная Азия — тюрьма для исламистов. *Uznews.net*, 2009, 15 декабря, <http://www.uznews.net/ru/human-rights/12337-icg-centralnaja-azija-turma-dla-islamistov> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

¹⁸ Подробнее на эту тему см.: Харитоновна Наталья. Растущий рынок смертников в Центральной Азии. *Обозреватель — Обсервер*. 2014. № 1. С. 39–51.

¹⁹ Баткенские события — вооруженные столкновения между боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и вооруженными силами Кыргызстана и Узбекистана в 1999–2000 гг., которые были вызваны попытками боевиков ИДУ проникнуть на территорию Узбекистана из Таджикистана через территорию Кыргызстана с целью свержения власти в Республике Узбекистан.

²⁰ Волков В. Туркменская власть очень напугана угрозой вторжения боевиков. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября.

²¹ Игнатенко А. А. От Филиппин до Косово. *Независимая газета*. 2000, 12 октября.

²² См. Ищем террористов во всех богатых местах. *ИноСМИ*. 2010, 25 марта, <http://inosmi.ru/usa/20100325/158803152.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²³ Дворкович: Российские компании заинтересованы в участии в проекте газопровода ТАПИ. Агентство экономической информации *Прайм*. 2014, 21 мая, <http://1prime.ru/companies/20140521/785164092.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁴ См.: США уходят: чего ждать от Средней и Центральной Азии? Информационно-аналитический портал *Ислам Сегодня.ру*. 2013, 4 октября, http://islam-today.ru/islam_v_mire/ostalnoj-mir/ssha_uhodyat_chego_zhdad_ot_srednej_i_centralnoj_azii/(последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁵ Волков В. Война за газ. *Новая газета — Казахстан*. 2014, 4 сентября.

²⁶ Хочешь мира, готовься... Страны ОДКБ провели успешные маневры в Кыргызстане «Нерушимое братство–2014». *ЦентрАзия*. 2014, 7 августа, <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1407390180> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

Э
И
Л
А
Н
А

²⁷ Николай Бордюжа: признано целесообразным создать коллективные авиационные силы ОДКБ. ЦАМТО. 2014, 26 июня, http://vpk.name/news/112467_nikolai_bordyuzha_priznano_celesoobraznyim_sozdat_kollektivnyie_aviacionnyie_silyi_odkb.html (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁸ Городненко Юрий. СМИД ШОС в Душанбе: на повестке расширение. Агентство международной информации *Новости-Казахстан*. 2014, 5 августа, <http://www.newskaz.ru/comment/20140805/6798101.html> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

²⁹ ШОС готовят к приему новых членов. *Новости@mail.ru*. 2014, 1 августа, <http://news.mail.ru/politics/19062321/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).

³⁰ Князев Александр. Фронты на «дуге Бжезинского». Часть III. Информационно-аналитический центр *Caspian bridge*. 2014, 3 сентября, <http://www.caspiania.org/2014/09/03/fronty-na-duge-bzhezinskogo-chast-iii/> (последнее посещение — 10 февраля 2015 г.).